

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Ильичев А.В. Нarrатив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью // Конфликтология / nota bene. 2024. № 2. DOI: 10.7256/2454-0617.2024.2.70728
EDN: ADKLFJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70728

Нарратив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью

Ильичев Антон Владимирович

Младший научный сотрудник, Музей-заповедник Героической обороны и Освобождения Севастополя

299020, Россия, г. Севастополь, Пр. Генерала Острякова, 250-В, кв. 11

✉ ilichev-toni@mail.ru

[Статья из рубрики "Противостояние Великих держав"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2024.2.70728

EDN:

ADKLFJ

Дата направления статьи в редакцию:

13-05-2024

Аннотация: Целью исследования является сравнительный анализ французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции (СВО). Предметом исследования выступает идеологическое обоснование и медийное освещение французских международных кампаний в первой половине XIX века и сегодня. Объектом исследования выступает нарратив «Восточного деспотизма» в идеологии политических элит Франции. Актуальность темы исследования обоснована широким распространением исторических антироссийских нарративов в политике Западных держав. В статье рассматривается сюжет «восточного деспотизма» как обоснование для населения экспансионистской политики Франции в первой половине XIX века. Проводится исследование формирования нарратива «Восточного деспотизма» в политической культуре Запада и Франции в частности. Определяются основные элементы нарратива состоящие в дегуманизации противника, путем конструирования образа его государства и населения как варварского нецивилизованного мира,

которому необходимо привнести блага цивилизации и христианскую веру. Методология исследования основывается на системном, геополитическом и цивилизационном подходах. В работе были применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение) так и специализированные. К специализированным можно отнести качественный контент-анализ, историко-сравнительный метод. По результатам исследования было выявлено, что нарратив «Восточного деспотизма», представляет собой процесс создания дегуманистического образа противника или политического режима, строящегося на основе антагонистического противопоставления цивилизации и варварства. Учитывая статус Французского государства как одной из основных держав-протекторов католической веры, сохраняющейся на протяжении всей многовековой его истории, нарратив подкреплялся религиозной компонентой. Общей формулой идеологического обоснования французской империалистической экспансии являлось позиционирование инициирования начала боевых действий необходимостью защиты христианской веры и местного населения от деспотического режима. В случае с вторжением в Алжир и Крымской войной 1853-1856 гг. французская пропаганда использовала образ «крестового похода», тем самым придавая военной операции статус высшей «цивилизаторской миссии». На современном этапе, Франция активно использует нарратив «Восточного деспотизма» против России, что проявляется в целом спектре публикаций стремящихся создать в глазах французской общественности картину русского государства как «деспотичной, азиатской монархии», с ярко выраженными экспансионистскими устремлениями.

Ключевые слова:

Политический нарратив, Франция, Внешняя политика Франции, Война в Алжире, Восточный деспотизм, Специальная военная операция, Идеология, русско-французское противостояние, Восточный вопрос, Вторая империя

Введение. Франция, на протяжении большей части своей истории, является активным актором на европейском и международном политическом пространстве с ярко выраженной экспансионистской, империалистической внешней политикой. Наравне с англичанами французы занималась захватом новых сырьевых баз и рынков сбыта, облекая свои завоевания в высшую миссию по распространению цивилизации. Ключевым нарративом французской политики с XVIII по XX вв. был нарратив о «Восточном деспотизме». С его помощью французская администрация сумела оправдать целую серию кровопролитных завоевательных кампаний в Африке и Азии.

Целью исследования является сравнительный анализ французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции (СВО). Предметом исследования выступает идеологическое обоснование и медийное освещение французских международных кампаний в первой половине XIX века и сегодня. Объектом исследования выступает нарратив «Восточного деспотизма» в идеологии политических элит Франции.

Хронологические рамки исследования охватывают два временных промежутка: это период с 1820-е по 1870-е гг., что характеризуется активным периодом использования нарратива «восточного деспотизма» во французской внешней политике, а также современный этап. Под последним подразумевается, преимущественно, активная фаза конфликта на Украине 2022-2024 гг.

Территориальные рамки исследования для первого временного промежутка охватывают три кампании французского государства: вторжение в Алжир, Крымская война и операция в Индокитае. Для современного периода они сосредоточены на территориях Украины и современной Франции.

Для изучения темы исследования были проанализированы работы иностранных авторов, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Среди них работы таких исследователей как Э.Л.Конклин, Т.Кайзер, Ф.Вентури и Э.Томсон. Были проанализированы материалы, занимающиеся непосредственным формированием необходимого общественного мнения по отношению к предполагаемым странам-объектам для вторжения. Это труды К.Ф.Вольнея, Ложьера-де Тасси, Винсента-Ив Бутена, Ж.-Ш.-Л. Симонда де Сисмонди и А.Неттемента. Отдельной группой являются исследования посвященной Второй империи. Для изучения способов применения нарратива «восточного деспотизма» на современном этапе были проанализированы публикации ведущих французских газет (*«Le Point»*, *«Le Figaro»*, *«Les Echos»*, *«La Presse»*, *«Le Monde»*) за 2022-2024 г.

Методология исследования основывается на цивилизационном подходе. В работе были применены как общенаучные методы исследования (анализ, синтез, сравнение) так и специализированные. К специализированным можно отнести качественный контент-анализ, историко-культурный и историко-сравнительный методы.

Основная часть. Нарратив «восточного деспотизма» играет огромную роль, в политической истории Франции начиная с XVIII века. Слово «деспот» греческого происхождения и обозначает хозяина, что властвует над рабами или слугами [1, с. 741]. Аристотель определял «деспотизм» как особую форму правления схожую с тиранией, которая характерна для варваров, поскольку в силу своей «рабской» натуры они не могут противиться деспотической власти [2, с. 389]. Средневековые авторы, переводя сочинения Аристотеля на латынь, относили к варварам «людей с Востока» [3, с. 133]. Во Франции термины «деспотизм» и «деспотическое правление» стали впервые применять в конце XVII в. – начале XVIII в., во времена правления Людовика XIV. Это стало своеобразной реакцией знати на растущую власть монарха и его посягательства на сословные привилегии дворян. Писатели, такие как Франсуа-де Салиньак Фенелон или герцог Луи-де Рувруа Сен-Симон, вкладывали в значение слова «деспотизм» именно политическую систему, характерную для Азиатских и варварских стран, к которым, по их мнению, относилась Османская империя и Китай [1, с. 741-742]. Таким образом, обвиняя действующую королевскую семью в том, что расширение её полномочий ведет к превращению Франции в такую же варварскую и рабскую страну.

Окончательное оформление теория деспотизма в Европе и Франции приобрела в работах Шарля Луи де Монтескье. Исследователь Роджер Боше, анализируя работы последнего, пришел к выводам о наличии у Монтескье двух теорий деспотизма. Одна из них приобрела классический статус и обычно имеет более широкую презентацию в работах. Эта теория описывает деспотизм как абсолютную форму правления одного лица, чьим основным инструментом управления является страх [1, с. 743]. Хотя сам режим и устанавливается при помощи насилийных средств, как только власть деспота становится прочной, он передает управление приближенным, что руководят от его имени, в то время как сам отстраняется от государственных дел [1, с. 744]. Сам деспот характеризуется как ленивый невежда, оказавшийся в рабстве собственных удовольствий. Человек в стране с деспотической системой управления «пассивно

повинуется» и слепо следует воле суверена [1, с. 743-744]. Важным уточнением тут будет то, что Монтескье считает, что деспотичными могут быть не только правительства, но и общества [3, с. 134]. В рамках своей первой теории Монтескье в качестве примеров деспотических режимов приводит азиатские или восточные государства (в особенности Османскую империю).

Первая теория деспотизма Монтескье не только представляет собой элемент теоретического осмысления и рефлексии деспотизма, но и служит инструментом критики королевской семьи во Франции.

Вторая теория деспотизма Монтескье кажется полностью, противоречит первой. В ней отражаются опасения автора из-за растущего влияния коммерции на политическую жизнь страны и грядущую урбанизацию. Все это приведет к тому, что жители начнут интересоваться лишь проблемами собственного заработка, что повлечет рост коррупции и распущенности общества [1, с. 756-757]. Монтескье заключает, что именно это стало причиной крушения многих республик [1, с. 750-751]. С этой точки зрения деспотизм представляется как не самая плохая форма правления, в чем-то даже более искренняя. Монтескье добавляет, что деспотизм должен быть трансформирован в такую форму, где страх не является основным инструментом управления и приводит свои примеры решения этой проблемы [1, с. 759].

Ярким примером классической «Восточной деспотии» для Франции была Османская империя. В формировании дегуманистического образа осман немалую лепту внесли не только философы и общественные деятели, но и французские историки, что при описании истории Османской империи, акцентировали внимание на многочисленных переворотах и узурпациях власти [4, с. 71]. Образ деспотичного, варварского государства османов выполнял две важные функции для политической системы Франции. Первую из них можно охарактеризовать как «религиозный антагонизм». Одним из столпов, практически всех государственных систем Франции, было позиционирование державы как защитника христианской веры. Деспотизм османского султана, «угнетавшего» христианское население подвластной ему империи, использовался французскими монархами и правительствами для увеличения собственной популярности и укрепления своих позиций у власти [4, с. 72].

Вторая функция кроилась в противопоставлении. Деспотический, во многом тианический режим в Османской империи противопоставляли законной, абсолютной власти во Франции [4, с. 72].

К Новому времени в европейском пространстве отчетливо сложился образ Азии и Востока как варварского мира, что необходимо избавить от гнета тирании. Во Франции революционные события привели к тому, что во французском обществе сформировалось представление об «исключительности французской нации». И миссия этой «великой нации» заключается в распространении революционных идей за пределы страны, принося варварским народам цивилизацию [5, с. 16-17].

Нarrатив «восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны. Разгром Наполеоновской Франции и глубинный кризис внутри страны, привел к недолгому исчезновению этого сюжета из политической культуры Франции.

Нarrатив «восточного деспотизма» возвращается с началом Греческой войны за

независимость (1821-1829 гг.). Исследовательница Дженифер Сешнс справедливо отметила, что греческая борьба подготовила основу для французского вторжения в Алжир [\[6, с. 30\]](#). Французские общественные и политические деятели продвигали идею «крестового похода» в Грецию с целью освободить христиан от гнета турок-осман [\[6, с. 30\]](#). Воцарение на французском престоле в 1824 г. Карла X еще сильнее политизировало греческий вопрос внутри Франции. Либералы и республиканцы были обеспокоены тем, что успешная военная операция в Греции могла быть использована ультрапоялистами для укрепления своего положения у власти, поскольку защита религиозных прав христиан, была одной из их идеологических опор.

Нarrатив «восточного деспотизма» и вторжение французских войск в Алжир. В 1830 г. для легитимизации вторжения в Алжир Бурбоны использовали нарративы как Старого режима, так и революционной Франции. Ультрапоялисты создали из губернатора Алжира Хусейн-дея «традиционного восточного деспота», которому противостоит христианский монарх Карл X со святой миссией по освобождению Алжира от гнета тирании. Дженифер Сешнс указывает, что делегитимизация алжирского правителя была направлена на легитимизацию власти Бурбонов во Франции [\[6, с. 30\]](#).

К началу французского вторжения благодаря работам путешественников, ученых и дипломатов на протяжении XVII-го и XVIII-го вв. в массовом сознании французов и европейцев были созданы устойчивые образы Северной Африки. Исследовательница Энн Томсон в своей работе «Barbary and enlightenment. European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century» подробно останавливается на этом вопросе. Помимо, описанного выше образа «Восточного деспотизма», можно выделить нарратив о «турках». Алжир, несмотря на наличие османского ополчения и факт формального подчинения османскому султану являлся во многом самостоятельным субъектом. В то же время большая часть населения имела скорее греческое или армянское происхождение, нежели турецкое. Для европейцев же все обитатели Магриба были «турками». Уже само это слово для них несет в себе негативный образ. Энн Томсон пишет:

«Само слово «турок» вызывало страх в сердцах всех христиан, поскольку они веками были их противниками, олицетворением Антихриста, воплощением жестокости и бессердечности» [\[7, с. 16\]](#).

Французские авторы обвиняли турок во всех грехах и катастрофах, включая и эпидемию чумы. Константин Франсуа Вольней в работе «Considérations sur la Guerre des Turcs» писал:

«Именно через этих варваров к нам пришли эти бедствия, своим глупым фанатизмом они способствуют распространению и обновлению этой заразы» [\[8, с. 765\]](#).

Религиозное предубеждение и ненависть была еще одной составляющей европейских представлений о жителях Магриба. Ложьер-де Тасси в предисловии к своей работе писал:

«Меня часто спрашивают, есть ли у них идея Божественности. Я убежден, если бы этим людям дали возможности пообщаться с ними переодетыми в христиан, то обнаружили у них столько же рациональности и стойкости; однако все эти качества исчезнут, стоит им вновь одеть тюрбаны» [\[9\]](#).

Преступления Хусейн-дея были перечислены в статье газеты «Moniteur universel» за 20 апреля 1830 г.: «нарушение принципов международного права, нарушение договоров и

конвенций, необоснованные поборы, выдвижение заранее оскорбительных требований, противоречащим законам королевства и правам французских подданных, нападения на французские корабли, публичное оскорблении французского консула, обстрел французских парламентеров» [\[10\]](#).

Министерство обороны Франции подготовило справочное пособие для Африканского корпуса, который должен был продемонстрировать военнослужащим «преступный режим Хусейн-дея». В основу документа легли записки путешественников XVIII в. и историческое сочинение талантливого инженера времен Первой империи Винсента-Ив Бутена «Aperçu historique, statistique et topographique sur l'état d'Alger, à l'usage de l'armée expéditionnaire d'Afrique» [\[6, с. 31\]](#).

Образ противника строился на трех ключевых столпах: радикальные исламские фанатики [\[11\]](#) [\[7, с. 144-145\]](#) [\[10\]](#), деспотичные и жестокие варвары, и «гнусные» пираты [\[12\]](#) [\[10\]](#) [\[13, с. 266-268\]](#). Именно в таком виде для большинства французских жителей благодаря литературе и средствам массовой информации представлялись жители Магриба.

В произведениях и заявлениях того периода наиболее частыми терминами, употребляемыми в адрес жителей Магриба, были: «варвары», «язычники», «корсары», «грабители», «работоторговцы». Вторжение французских войск в Алжир преподносилось жителям Франции как «праведный крестовый поход христианского короля против деспотичных корсаров, бравших в рабство белых людей» [\[6, с. 34\]](#).

Французскую гравюру 1830 г., на которой изображен эпизод высадки французских войск в Алжире, сопровождал текст, что, по мнению, исследовательницы Джениффер Сешнс мог быть составлен аппаратом правительства Полиньяка, следующего содержания:

«Африканские варвары многие века занимались работоторговлей европейцами, грабили торговые суда, требовали выкуп за их освобождение и унизительную дань от правителей за защиту [кораблей] от пиратства. Франция должна была отомстить за униженное человечество, очистить моря и покончить с властью этих пиратов» [\[6, с. 34\]](#).

Нarrатив «восточного деспотизма» и Вторая империя. Алжирская авантюра не принесла роялистам желаемых результатов. Вместо стабилизации внутреннего положения в стране, укрепления власти Бурбонов и выхода страны из политического кризиса – произошла Июльская революция, что привело к установлению Июльской монархии. К нарративу о «Восточном деспотизме» Франция вернулась в середине XIX в. с установлением Второй империи. Наполеон III использовал веру как один из инструментов по укреплению своей власти, для чего он заручился поддержкой со стороны католической церкви. Наглядным тому подтверждением служат результаты голосования плебисцита 20-21 декабря 1851 г., на котором верующие и священнослужители проголосовали за поддержку Наполеона III. Ответными шагами нового правительства стало активная поддержка католической церкви и принятие ряда мер по увеличению престижа и влияния церкви в обществе. Среди них повышение заработка платы священникам, строительство новых церквей, закрытие кабаре (на чем настаивало церковное сообщество), исключительная свобода собраний (при условиях установления авторитарной системы правления) и свобода слова, восстановление социального престижа и влияния сельских священников и т.д. [\[14\]](#)

Стремительное усиление позиций Церкви и ее влияния в обществе, послужило причиной, по которой Наполеон III использовал религиозный фактор во внешней политике для

дальнейшего укрепления своего положения.

Приоритетной целью нового режима на мировой арене стало восстановление статуса Франции как великой державы. Для ее выполнения была развернута масштабная кампания, включающая в себя как дипломатическую работу по признанию Бонапартистского режима европейскими монархиями, так и активным проведением экспансионистских/колониальных кампаний.

По Конституции 1852 г. в руках правительственные органов сосредоточились все рычаги управления средствами массовой информации, тем самым обеспечивая Бонапартистскому режиму полный контроль над медиа-ресурсами [\[15, с. 215\]](#). Но именно в период цензуры и жесткого контроля средств массовой информации происходит всплеск развития прессы. Количество печатаемых ежедневно газет возросло с 150 тыс. в 1852 г. до 1 млн. в 1870 году. В то же время стоит отметить, что не все издания были подвергнуты строгой цензуре. Журналы и газеты, занимающиеся вопросами искусства, культуры и науки, в которых полностью отсутствовала политика, не подвергались жесткому контролю [\[16, с. 129\]](#). Для периода 1852-1860-х гг. характерно доминирование в обществе бонапартистской прессы, находившейся под прямым управлением государственных структур [\[17, с. 41\]](#).

В 1535 г. между Сулейманом и Франсуа I было заключено соглашение, которое предоставляло Франции статус «Протектора Святого Престола», полномочия и возможности которого были существенно расширены в 1740 году [\[18\]](#). Таким образом, Франция наравне с Россией обладала существенным влиянием в Палестине и Леванте в XVIII – XIX веках. Подобный расклад сил создавал угрозу для Британской Азии, что обусловило активную политику министра иностранных дел Генри Джона Темпла Пальмерстона по открытию консульства в Палестине [\[19\]](#).

В 1851 г. вновь обострился Восточный вопрос. Поводов для этого было несколько. Прежде всего, ослабление Османской империи и, казалось бы, её неминуемый распад использовались императором Николаем I как повод для установления контроля над проливами Босфор и Дарданеллы. С целью мирного варианта реализации этого сценария были инициированы переговоры с послом Великобритании Джорджем Гамильтоном Сеймуром. На этих переговорах был предложен вариант раздела территории Османской империи и сфер влияния между Британией и Россией. Однако британской стороной переговоры были восприняты как угроза. Продвижение Российской империи в Средиземное море было невыгодно Наполеону III.

В 1851 г. при содействии французской стороны разжигается конфликт между церквями в Палестине. Под угрозой морской блокады и французской интервенции султан принимает решение передать ключи от Храма Рождества Христова в Вифлееме католикам, а на самом храме была водружена серебреная звезда [\[20, с.8-9\]](#) [\[21, с. 452-454\]](#).

«Восточный вопрос» являлся для Наполеона III удобным поводом для реализации целого спектра политических задач:

- 1) ликвидация Священного союза и демонтаж Венской системы международных отношений, что обеспечило бы возвращение Франции как ведущей державы на Европейском пространстве;
- 2) укрепление собственного положения в стране;

З) сохранение Османской империи из-за недопустимости расширения влияния Российской империи на Средиземноморский регион [22].

Наполеон III намереваясь вернуть статус Франции как колониальной империи, столкнулся с рядом проблем внутри страны. Во французской политической элите сохранялся раскол по вопросу статуса вооруженных сил. В правительстве по-прежнему сохранялась группировка, верная идеям революционеров 1848-х гг. о европейском равенстве, размывании границ и эре всеобщего разоружения [22]. Частично эти идеи поддерживали ряд экономистов и социалистов, считавших, что на вооруженные силы тратятся чрезмерные средства [22]. Другая группировка настаивала на расширении роли армии и поднятии её престижа. Во времена Июльской монархии использовался образ «солдата-труженика». После крушения июльского режима была предложена концепция «вооруженных сил как некой школы жизни» [22]. Во времена Второй империи произошел переход от армии как некой цивилизационной школы, к вооруженным силам, что играют роль убежища нравственных ценностей, в эпоху индивидуалистского, материалистического коррумпированного общества [22].

Алжирская армия служила идеальным примером вышеописанного, поскольку это были части, что имели существенно больше боевого опыта, нежели войска в метрополии. Однако популяризация образа «африканского солдата» имела ряд недостатков. Главный из них – военный. Солдаты в Алжире имели специфический опыт ведения войны, в основном партизанского типа. Алжирская армия ни разу не сталкивалась с профессиональной европейской армией. Впоследствии это сыграло существенную роль в ходе боевых действий в Крыму.

Ещё одной проблемой была «культура насилия», являющаяся столпом французской школы колониальной войны генерала Тома Робера Бюжо [23, с. 11-12]. Французские военные в Алжире построили свою тактику ведения войны на идеях расового превосходства и истребления, считая, что «туземцы» способны понять лишь язык насилия [23, с. 12]. Резонанс и скандалы, в обществе вызванные известиями о «насильственных действиях» французских войск в Алжире, включая печально известный инцидент в пещерах Дахра, вынуждал метрополию оказывать давление на колониальные войска [23, с. 12]. В результате Том Робер Бюжо был вынужден частично изменить свою политику, взяв «арабов» под контроль и используя их в качестве инструмента для освоения новых территорий. Однако это не означало исчезновения насилия как инструмента управления и контроля. Заложенные в этот период отношения между французами-колонистами и коренным населением, сохранялись вплоть до 1962 года [23, с. 13].

Создание колониальной империи подразумевает наличие мощного военно-морского флота, с этим также была серьезная проблема. Традиционно отношение к военно-морским силам у французов было отрицательное. Население ассоциировало флот с «катастрофой», военно-морские операции были для него непонятными, а тяжелые условия службы и система телесных наказаний не способствовали росту престижа ВМС страны [22]. Наполеон III, намеривался создать флот, основанный на профессиональных кадрах, где служба будет строиться не на системе наказаний, а на поощрении [22].

В итоге, несмотря на все усилия Наполеона III отношение к вооруженным силам у французов оставались неоднозначными. В коллективной памяти народа осталась глубокая рана от кровопролитных войн времен республики и Первой империи. Для

определенной части населения воинская повинность продолжалась восприниматься как «налог на кровь» [\[22\]](#).

Началом информационной кампании по Восточному вопросу послужила брошюра Эжен Боре «Вопрос о Святых местах». Во второй части брошюры православные священнослужители на Святой земле обвинялись в интригах, притеснениях католиков и их религиозных прав, а также в умышленной порче и ненадлежащем контроле над христианскими святынями [\[24, с. 46-60\]](#).

Позиция католического населения и католической церкви Франции заключалась в выдвижении следующих тезисов:

«Должны пройти века, чтобы русские пролили столько же крови, сколько французы в Крестовых походах... Русские не принимали участия в Крестовых походах. Первенство Франции на Востоке среди христианских народов настолько сильно, что даже турки называют Европу «Франкистаном».. [\[25, с. 23\]](#)

Наполеон III, несмотря на агрессивную риторику со стороны католиков по Восточному вопросу (что была характерна для многих католических изданий в Европе и США) и ряд провокационных действий, не был заинтересован в вовлечении Франции в полномасштабную войну. Причиной тому – общественное мнение. Французский народ после многочисленных потрясений конца XVIII – первый половины XIX вв. не был готов одобрить еще одну завоевательную кампанию. Наполеон III прекрасно это понимал и даже в своей речи в Бордо в 1852 г. отметил:

«Из-за недоверия люди говорят: «Империя – значит, что будет война». Я же говорю, напротив, Империя означает мир. Мир, что так долго нужен Франции, а когда во Франции всё хорошо, то и во всем мире так. Слава действительно передается по наследству, но не война. Я понимаю, что подобно Императору мне предстоит множество завоеваний. Я, как и он, хочу вернуть враждующие партии в единое, великое народное русло. Я хочу принести религию, мораль и процветание той части населения, что в стране веры едва знает заповеди Христа, что среди самой плодородной земли едва может позволить себе предметы первой необходимости.... Нас повсюду окружают руины, что нужно восстановить, ложные боги коих необходимо уничтожить и истина, которой нужно восторжествовать. Вот что я подразумеваю под Империей, если ей суждено будет восстановиться. Таковы завоевания, что я приготовил для всех, кто, как и я, желает благополучия нашей стране – мои солдаты» [\[26\]](#).

После отказа императора Николая I принимать Венскую ноту, Наполеон III был вынужден перейти к решительным мерам. О скорой возможности участия Франции в войне император сообщил в ходе своего выступления на открытии законодательной сессии 2 марта 1854 г.:

«Я сделал все, чтобы сохранить мир. Европа знает, что если Франция обнажит свой меч, то лишь потому, что её вынудили. Она знает, что Франция не думает о своем расширении. Она хочет противостоять опасным посягательствам [колossalной] державы, которая своими последовательным вторжениями охватывает и Север, и Юг, что обладает двумя внутренними морями, с которых она может обрушить свою армию и флот на нашу цивилизацию... Вместе с Англией мы идем в Константинополь чтобы защитить Султана и в тоже время защитить права христиан. Мы идем туда, чтобы защитить свободу морской торговли и наше законное влияние в Средиземноморье... Мы идем со всеми, кто желает торжество верховенства закона, справедливости, цивилизации...» [\[27\]](#)

Всё же, несмотря на то, что французское общество было не готово к новой войне, нарратив о «крестовом походе против России» сумел найти отклик не только среди католиков, но и среди либералов с республиканцами [28, с. 141]. Французский народ рассчитывал на быструю, победоносную войну. Рост цен на хлеб, вызванный неурожаем в 1854 г., отсутствие каких-либо значимых успехов на передовой, что сигнализировало о затягивании конфликта, приводило к постепенному росту общественного недовольства [29].

Взятие Севастополя союзными войсками 27 августа (8 сентября) 1855 г. стало ключевым событием Крымской войны. Хотя для самого Наполеона III, готовившего планы по вытеснению России с Крымского полуострова, оно не являлось знамением завершения войны, тяжелое положение Российской империи (близость дефолта, отсутствие военных и финансовых ресурсов для продолжения конфликта, рост общественного недовольства внутри страны, угроза восстаний) вынудили императора Александра II пойти на переговоры. Парижский мирный договор стал первой громкой победой Наполеона III во внешней политике. Переговоры в Париже ознаменовали разрушение системы 1815 г. и возвращение Франции на международную арену как влиятельного актора. Помимо этого, Наполеону III удалось создать ощутимую брешь в австро-российском союзе, а сдерживание непомерных требований британских представителей позволило сблизить Россию и Францию.

Победа в Крыму укрепила поддержку Наполеона III не только среди католиков, но и среди левых, а также способствовала росту национализма и патриотизма в народе [14].

Наполеоновская пропаганда обратилась к нарративу о восточном деспотизме и в случае с экспансиеи в Индокитай. Так, под предлогом защиты французских католических миссионеров и христианской веры от нападений аннамитов была осуществлена интервенция в Кохинхину (юго-восточная часть Индокитая) [17, с. 129]. Эти идеи могли получить широкую поддержку среди народов, однако публикации журналиста Эжен Вейо сумели оказать частично обратный эффект. В своих материалах журналист подверг критике колониальную политику Франции, назвав ее неэффективной, затратной и демонстрирующей моральную слабость государства в Индокитае [17, с. 129-130].

Парадоксально, что в то время как католики критиковали Французское правительство за скучные результаты кампании, поддержку правительству выразили либералы, что увидели в этом возможность усилить свои позиции, в обществе сыграв на патриотических чувствах граждан.

Таким образом, на период первой половины XIX в. нарратив «восточного деспотизма» можно определить как политику идеологического обоснования внешней экспансии, посредством создания дегуманизирующего образа противника, опирающегося на контрастном противопоставлении цивилизации и варварства.

Миф о Франции, как государстве, с цивилизаторской миссией сохранился не только в годы Третьей республики, но и продолжает существовать и сегодня. Бывший президент Французской Республики Жак Ширак в своей речи в 1998 г. сумел интерпретировать колониальную политику Франции как переход общества от рабовладельческого к демократическому, происходившей под сенью идеалов французской Республики [30, с. 148].

Современный этап. Нарратив о Восточном деспотизме Франция использует и сегодня

против России. В то же время необходимо сразу отметить его частичную, содержательную трансформацию и совершенной иной характер применения. Процесс деколонизации охватившей мир после Второй мировой войны, заставил французские элиты существенно изменить свои взгляды на формат взаимодействия со своими бывшими колониями, так и общий курс внешней политики государству. На смену экспансионистской политике, ставившей своей целью захват новых территорий, и рынков сбыта, приходит политика «франкофонии», под которой подразумевалось налаживание тесного торгово-экономического сотрудничества с экс-колониями. Исследователи Е.И. Филлипова и В.Р. Филлипов в своей работе «Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой республики» отмечали, что французское общество продолжает оставаться расколотым по отношению к колониальной политике государства в XIX-XX веках [31, с.78]. Нarrатив о «восточном деспотизме» в то же время стал использоваться рядом французских изданий для описания российского государства. В 2007 г. Газета «Фигаро» опубликовала статью под названием «Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe («Как Владимир Путин устанавливает новый деспотизм в России») [32]. В материале мы можем заметить, что автор акцентирует внимание и подчеркивает такие стороны деспотии как «попирание закона» и «использование репрессивного аппарата» [31]. В 2013 г. издание «LesEchos» публикует статью «La Russie et la tentation du «despotisme oriental»»(«Россия и соблазн восточного деспотизма») [33]. Тональность материала можно уже проследить в аннотации: «Россия продолжает отдалиться от Европы и приближается к Азии. Медленный процесс постепенно склоняет Москву к авторитарному правлению и темным страницам своей истории» [33]. Режим управления в России, созданный Иосифом Виссарионовичем Сталиным называется со слов философа Карла Виттфогеля «Восточным деспотизмом» [33]. Автор публикации – французский политолог Доминик Моизи считает, что уход Московских властей в сторону авторитарного, деспотического режима связан с внутренними экономическими, политическими и социальными проблемами [33]. По мнению специалиста, таким образом, режим в России стремится скрыть собственную слабость [33]. В материале «LesEchos» автор указывает, что авторитарная форма правления является характерной для Российского государства, когда оно ощущает свою слабость [33]. Уже в следующем году «Le Point» публикует статью Николаса Бавереса «Parier sur la Russie au-delà du despotisme («Ставка на Россию вне деспотизма»)» [34]. Автор пишет:

«Чрезмерность Зимних олимпийских игр в Сочи, на которые был потрачен 51 млрд. долларов символизирует личное могущество и культ власти, лежащие в основе власти Владимира Путина. Не даром еще Монтескье писал в «О духе законов»: «Московия хотела бы отказаться от своего деспотизма, но не может.... Народ состоит из рабов, привязанных к своей земле» [33].

Николаса Баверес считает, что бороться с деспотизмом в России стоит через расширенное партнёрство, удовлетворяя потребности России в области инфраструктуры и новейших технологий [34]. «Лучшее противоядие от автократии – это прогресс» - пишет автор [34].

Стоит отметить, что не все французские издания выпускали материалы с подобного рода характеристиками в сторону российского государства. Подобные элементы, на данном этапе нельзя назвать частью целенаправленной и систематизированной информационной кампании, направленной на дегуманизацию России в французском общественном создании. Французская пресса, является крайне неоднородной. Среди французских

изданий можно обнаружить те, что придерживаются коммунистических или левых взглядов, так и правых идей. Появление материалов с определенным тенденциозным взглядом на Россию в период с 2012 по 2017 гг., можно отнести к началом глубокого кризиса во франко-русских отношениях, после прихода к власти администрации Ф.Олланда. Между странами возникли серьезные расхождения по разрешению Сирийского и Украинского кризисов. Однако прослеживались и положительные моменты, в том числе и по «Ядерной сделке с Ираном» [\[35, с.181\]](#). В целом этот период двухсторонних отношений характеризовался началом санкционной политики Франции в адрес России. С приходом к власти Э.Макрона намечались тенденции, если не по налаживанию отношений между государствами, то, по крайней мере, по выстраиванию конструктивного диалога по ряду вопросов.

В то же время, после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается.

24 февраля 2022 г. выходит публикация журналиста «La Press» Александра Сиура под названием «Le délice d'un despote («Бред деспота»)» [\[36\]](#). В ней автор указывает, что мир стоит на пороге крупнейшего военного вторжения в Европе со времен Второй мировой войны. Выступление президента, сделанное им ночью 24 февраля, было названо «опасным бредом безумного тирана» [\[36\]](#). А тезисы президента о геноциде, устроенном украинскими войсками в Донбассе, марionеточности украинского режима - «дезинформацией вызванной паранойей» [\[36\]](#). При этом каких-либо обоснованных и подкрепленных контраргументов автор не приводит, склоняясь лишь к эмоциональной, непрофессиональной реакции.

В марте 2022 г. выходят публикации Николя Тенайона «Poutine est-il un dictateur, un despote ou un tyran? («Путин – это диктатор, деспот или тиран?»)» [\[37\]](#) и ассоциации «Sauvons l'Europe» под названием «Comment Poutine a détruit la Russie: les infortunes du despotisme éclairé («Как Путин разрушил Россию: несчастья просвещенного деспотизма») [\[38\]](#). Целью этих двух материалов является показать Россию как отсталую военную диктатуру, сеющую военные преступления по всему миру. Прослеживается параллель с тем образом, который французы создавали для Алжира и Хусейн-дея, но с небольшими корректировками. Вместо радикального ислама – православие, варваров-турок – варвары-русские, а кровожадных пиратов заменили на военных преступников.

В октябре 2022 г. выходит материал «Lefigaro» с заголовком «La barbarie, socle de la guerre russe («Варварство это основа русской войны»)», где автор обвиняет вооруженные силы РФ в многочисленных военных преступлениях и создании «фильтрационных лагерей» на территории Украины [\[39\]](#). Журналисты этого же издания, в более раннем материале под названием «La Syrie, le laboratoire de la barbarie guerrière de Vladimir Poutine» («Сирия, лаборатория Владимира Путина по ведению варварской войны»), уже обвиняли Россию в варварских методах ведения войны, которые, по их мнению, были апробированы Россией на территории Сирии [\[40\]](#). В целом публикации о имевших якобы место «преступлениях русской армии на территории Украины», были крайне распространены в 2022 году [\[41\]](#) [\[42\]](#) [\[43\]](#) [\[44\]](#) [\[45\]](#). В заключении мы более подробно остановимся на претенциозности и ошибочности этих обвинений.

Отметим, что ряд французских изданий продолжает сохранять некий комплементарный взгляд на Россию и в частности это проявляется в публикации материалов, где авторов

осуждают военную поддержку Украины со стороны Франции. Негативные публикации о России, можно связать с мнением отдельных журналистов, аналитиков или редакций. В рамках статьи невозможно охватить абсолютно все информационное пространство Франции в установленных хронологических рамках исследования. В этой связи тезис о том, что современное информационное пространство Франции состоит исключительно из антироссийских публикаций, можно считать претенциозным. Однако изучение и освещение именного такого рода материалов, в современной информационной повестке крайне необходимо. Изменения тональности и характера подачи материала в крупных французских изданиях, служит важным маркером государственной политики. Появление широкого спектра публикаций антироссийской направленности в ряде информационных ресурсов, может служить подготовкой общественности к принятию какого-либо политического решения.

На современном этапе, когда Франция не проводит активную, экспансионистскую политику, нарратив «восточного деспотизма» необходимо трактовать в контексте конфликта на Украине. В таком случае он представляется, как политика идеологического обоснования оказания военной помощи Украине, с целью ослабления Российского государства.

Заключение

На протяжении всей мировой истории основным нарративом для аргументации избирателю/населению/подданным экспансионистской внешней политики государства был нарратив о внешней угрозе с контрастным противопоставлением цивилизации и варварства. В Древнем мире римляне и эллины аргументировали захват территории тезисами о том, что они являются единственными носителями цивилизации, окруженные многочисленными варварскими этносами. Для эллинов особо актуальной была Персидская угроза с Востока. На основе этой экзистенциальной угрозы для греческих государств в просвещенных Афинах был создан нарратив о «Восточном деспотизме». В Средние века посредством перевода античных произведений, нарратив был подкорректирован в соответствии с актуальными геополитическими условиями. На смену «Персидского государства» приходит Фатimidский халифат, впоследствии его сменит Османская империя. Империя осман угрожала европейскому пространству не только как военная угроза, но и экономическая. Под ее контроль попадали основные торговые пути с Востока и Азии, до открытия Нового света.

Во Франции сюжеты о «деспотизме» и «деспотическом правлении» стали закрепляться в период правления Людовика XIV, когда абсолютная власть монарха начала представлять прямую угрозу элитам страны. Французская философская школа создала образа «деспота» и «деспотизма» как абсолютной формы правления одного лица (как правило, невежественного и обладающего всеми возможными пороками), установленный при помощи насилиственных средств, где основным инструментом контроля является страх. За основу брались такие «варварские» по мнению французских деятелей страны как Османская империя и Китай.

Нарратив о «Восточном деспотизме» являлся обоюдоострым орудием. Французская монархия использовала его для увеличения своей поддержки и влияния внутри страны, подкрепляя образы «варварского Востока и Азии» статусом государства как протектора католического населения и христианской веры. Дегуманизируя образ восточного и азиатского населения и дополняя религиозным антагонизмом французская монархия создала миф об «исключительности французской нации», чьей основной задачей является цивилизаторская т.е. принесении цивилизации варварским территориям. Таким

образом, французская монархия получила удобный инструмент, позволявший ей легитимизировать практически любую интервенцию в Азиатское или Восточное государство. В то же время «деспотизм» должен был играть роль балансирующего механизма внутри страны. Французская аристократия, обвиняя монархическую власть в «деспотизме», отстаивала тем самым свои экономические и политические интересы, посыпая четкий сигнал верховной власти.

Революционные события заставили Францию отойти от нарратива «восточного деспотизма». К нему власти уже восстановленной монархии обратились в период пика социально-политического кризиса и напряженности внутри страны. Ультрапоялисты во главе с Карлом X намеривались отвлечь внимание общественности от проблем внутри страны и поднять свою популярность за счёт внешней экспансии. Выбор пал на Алжир. В основу своего мифотворчества ультрапоялисты положили нарративы как Старого режима (монарх как защитник христианской веры), так и революционные (борьба за освобождение народов от власти тирании). Благодаря произведениям путешественников, философов, средств массовой информации, публичным выступлениям Алжир был превращен в «Восточную деспотию». Однако интервенция в Алжир не принесла ультрапоялистам желаемых результатов оказав обратный эффект, итогом чего стало повторное падение режима Бурбонов.

«Восточный деспотизм» использовался и во внешней политике Второй империи. В 1851 г. по итогам народного плебисцита во Франции была провозглашена Вторая империя во главе с императором Наполеоном III. Племянник Наполеона I избрал католическую веру как один из столпов своей новой власти. Восстанавливая роль и престиж церкви внутри страны после Второй республики и Июльской монархии, Наполеон III использовал веру и как инструмент для внешней экспансии. Целью нового режима стало возрождение Франции как влиятельного актора на европейском политическом пространстве, что было невозможно при существовании Венской системы международных отношений. Для реализации этих планов идеальным вариантом была «быстрая, победоносная война». Обострение «Восточного вопроса» в 1850-х гг. в связи с ослаблением Османской империи предоставило идеальную площадку для реализации поставленных целей. Франция использовала вопрос о святых местах как повод для провоцирования Российской империи на агрессивные действия в адрес Османской империи. Изначально, Наполеон III не планировал прямого военного вмешательства французских вооруженных сил из-за глубинной травмы внутри французского народа связанная с последствиями революционных и Наполеоновских войн. Однако сыграв на религиозном вопросе и идеалах либерально-демократического толка император сумел получить достаточную поддержку общества для прямого участия Второй империи в конфликте.

Помимо Крымской войны нарратив о «Восточном деспотизме» использовался для вторжения в Индокитай. Сегодня этот нарратив используется рядом французских изданий и политических сил в информационном пространстве при освещении украинского кризиса. Их целью является создание необходимого фона, с помощью которого французские власти смогут получить необходимую поддержку со стороны собственного населения для последующего оказания военной помощи Украины. Французские власти, тем самым стремятся возродить статус Франции как одной из великих держав на европейском континенте, посредством активного участия в Украинском кризисе. Олицетворение Российского государства как «восточной деспотии» и президента России Владимира Владимировича Путина как «деспота» или «тирана» началось еще задолго до начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года. Французские журналисты и политологи пытались тем самым создать негативный образ

нашей страны с целью оправдать последующие недружественные действия со стороны французского государства в адрес нашего государства. С началом СВО на Украине в 2022 г. образ «восточного» варварского государства стал транслироваться через призму «военных преступлений» российских войск. При этом сами обвинения не имеют никакой доказательной базы. В прессе они подаются через, как правильно анонимные сообщения, абсолютно не подкрепленные никакими доказательствами. Кроме того, украинская сторона неоднократно была замечена в фальсификациях доказательств и умышленных постановках. Еще в 2022 г. ряд отечественных изданий сообщали о работе на Украине «фабрики фейков», ведущих информационную войну против России [\[46\]](#),[\[47\]](#),[\[48\]](#),[\[49\]](#). О наличии на Украине таких центров, что занимаются фабрикацией доказательств «зверств» и преступлений» российской армии писал журналист испанского издания Фабрицио Касар (Fabrizio Casar) [\[50\]](#). Более подробно ознакомиться с разбором украинских фейков о вооруженных силах РФ можно в телеграмм канале «Борьба с фейками».

На официальном уровне Россия неоднократно опровергало все выдвигаемые в ее адрес обвинения в военных преступлениях. А преступления вооруженных сил Украины, что были подтверждены представителями Следственного комитета России, включая и ядерный терроризм (удары по Запорожской АЭС), удары по гражданским объектам, расстрелы российских военнопленных, игнорируются французскими изданиями. Наличие случаев применение Украиной запрещенных методов ведения войны были зафиксированы и ряде докладов международных организаций. В качестве примера можно привести доклад «Human Rights Watch» от июня 2023 г., где правозащитники зафиксировали использование противопехотных мин со стороны вооруженных сил Украины, запрещенных договором от 1996 г., который подписала и Украина [\[51\]](#).

Появление целого спектра публикаций на тематику «военных преступлений России на территории Украины» в ряде французских изданий совпадает с периодами оказания Францией военной помощи Украине. В частности, первая массовая волна материалов появилась во французском информационном поле в марте-апреле 2022 г. [\[39\]](#),[\[40\]](#),[\[52\]](#),[\[53\]](#),[\[54\]](#),[\[55\]](#),[\[56\]](#),[\[57\]](#). И уже в середине апреля, французские власти объявили о намерении передать Украине артиллерийские самоходные установки CAESAR. Появление во французском информационном поле публикаций дегуманизирующих Россию и ее вооруженные силы, является одним из способов подготовки общественного мнения во Франции для оказания военной помощи Украине. Это в свою очередь приводит лишь к дальнейшей эскалации конфликта. На сегодняшний день, Франция является наравне с Германией и Великобританией, одним из главных поставщиков военной техники и прочих военных услуг для Украины. Согласно официальному ресурсу министерства обороны Франции, общая сумма помощи оказанной Францией Украине составила свыше 3.8 миллиарда евро. В этом же материале указывается, что французы подготовили на базах в Польше и Франции свыше 10 тысяч украинских солдат. Кроме того, отмечается размещение дополнительного контингента в Румынии, Эстонии и Латвии [\[58\]](#). Несмотря на то, что французские власти неоднократно высказывались об отсутствии намерений вступать в прямой вооруженный конфликт с Россией, высшие лица Франции делают ряд провокационных высказываний, не способствующих урегулированию конфликта на Украине. Так в марте и мае 2024 г. президент Франции Э.Макрон не исключил возможности отправки французских военных на территорию Украины. 20 мая 2024 г. глава комитета по иностранным делам парламента Франции Жан-Луи Бурланж призвал разрешить Украине наносить удары, при помощи французского оружия по территории Российской Федерации [\[59\]](#).

Таким образом, нарратив «восточного деспотизма» и «деспотии» является одним из активных инструментов Французской внешней политики. Усиление влияния Российского государства на мировой арене вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками. Этот нарратив был создан еще в Старом режиме Бурбонов, активно использовался в революционной, Бонапартисткой Франции, Июльской монархии и впоследствии был унаследован Второй империей. Современная Франция также использует этот нарратив, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций французской и франкоязычной прессы.

Библиография

1. Boesche R. Fearing monarchs and merchants: Montesquieu's two theories of despotism // The Western Political Quarterly. Vol. 43, №4, 1990. P. 741-761.
2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль». Т. 4, 1983. С. 376-644.
3. Venturi F. Oriental Despotism // Journal of the History of Ideas. Vol. 24, 1963. P. 133-142.
4. Kaiser T. The Evil Empire? The Debate on Turkish Despotism in Eighteenth-Century French Political Culture // The Journal of Modern History 72, 2000. P. 69-81.
5. Conklin A.L. A Mission to Civilize: The Republican Idea of Empire in France and West Africa, 1895-1930. Stanford University Press, 1997. 384 p.
6. Sessions J. France and Conquest of Algeria. London: Cornell University Press, 2011. 325 p.
7. Thomson A. Barbary and enlightenment. European Attitudes towards the Maghreb in the 18th Century. Leiden: Brill, 1987. 180 p.
8. Volney C.F. Oeuvres completes de Volney. Paris, 1864. 778 p.
9. Jacques Philippe Laugier de Tassy. Histoire des états barbaresques qui exercent la piraterie [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books?id=TIIfXy38uPrcC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q=false
10. Moniteur universel, 20 avril 1830. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/20-avril-1830/149/1287761/2>
11. Le Chevalier Chatelain Mémoire sur les moyens à employer pour punir Alger, et détruire la piraterie des puissances barbaresques. Paris, 1828 [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k425347m/f5.item.texteImage>
12. Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi, De l'expédition contre Alger, extr. de La Revue Encyclopédique, mai 1830. Paris, 1830. [Электронный ресурс]. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54486315/f8.item.texteImage>
13. Nettement A. Histoire de la conquête d'Alger : écrite sur des documents inédits et authentiques (Nouvelle édition revue et corrigée). Paris, 1867. 628 p.
14. Yon J.-C. Le Second Empire. Politique, societe, culture. Paris: Armand Colin, 2004. E-book.
15. Hazel C. B. Official Propaganda and the French Press during the Franco-Prussian War // The Journal of Modern History. Vol. 4. №2, 1932. P. 214-230.
16. Spandonis S. La presse du Second Empire vue à travers le Journal des Goncourt, ou le Journal comme «document humain» // Cahiers Edmond et Jules de Goncourt. Vol. 9, 2002. P. 125-151.
17. Miquel de la Rosa French Liberalism and Imperialism in the Age of Napoleon III Empire

- at Home, Colonies Abroad. Cambridge Imperial and Post-Colonial Studies, 2022. 230 p.
18. Nicault C. The End of the French Religious Protectorate in Jerusalem (1918-1924) [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.openedition.org/bcrfj/3502>
19. Khalid EL-AWAISI, Emine YİĞİT Early foreign penetration in the Holy Land during the late ottoman period: the role of Britain // Journal of Islamicjerusalem Studies, 2020, 20(1). P. 1-18.
20. Айрапетов О. Крымская война. Популярный очерк. М.: REGNUM, 2017. 208 с.
21. Бабина А. Наполеон III. Триумф и трагедия. М.: Этерна, 2021. 896 с.
22. Dréville H. Wieviorka O. Histoire militaire de la France. Des Mérovingiens au Second Empire. Perrin: Ministère des Armées. 2018. E-book.
23. Vennes T. Violence, maintien de l'ordre et culture organisationnelle de l'armée coloniale française en Afrique (1830-1914) approche conceptuelle et théorique. 28 p.
24. Eugène Boré Question des lieux saints. Paris, 1850. 88 p.
25. Marilin R. L'Opinion franc-comtoise devant la guerre de Crimée, Annales Littéraires de l'Université de Besançon. Vol. 17, 1957. 68 p.
26. Garrigues J. Lacombrade P. La France au XIX siècle. Armand Colin, 2015. E-book.
27. Moniteur universel, 3 mars 1854. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retronews.fr/journal/gazette-nationale-ou-le-moniteur-universel/03-mars-1854/149/2618081/1>
28. Plessis A. The Rise and Fall of the Second Empire, 1852-1871. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 212 p.
29. Anceu E. Napoléon III. Paris: Tallandier, 2014. E-book.
30. Frith N. The French Colonial Imagination. Writing the Indian Uprisings, 1857-1858, from Second Empire to Third Republic. Lexington Books, 2014. 228 p.
31. Филлипова Е.И., Филиппов В.Р. Распад французской колониальной империи в политике памяти Пятой Республики // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. №6 (116). 2020. С. 77-80.
32. Comment Vladimir Poutine orchestre le nouveau despotisme russe [Электронный ресурс], Режим доступа: https://www.lefigaro.fr/debats/2007/04/26/01005-20070426ARTFIG90034-comment_vladimir_poutine_orchestre_le_nouveau_despotisme_russe.php
33. Moïsi D. La Russie et la tentation du «despotisme oriental» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lesechos.fr/2013/04/la-russie-et-la-tentation-du-despotisme-oriental-320709>
34. Baverez N. Parler sur la Russie au-delà du despote [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/editos-du-point/nicolas-baverez/parler-sur-la-russie-au-dela-du-despotisme-16-01-2014-1780758_73.php#11
35. Коллектив авторов. Современная Франция: между тревогами и надеждами. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 256 с.
36. Sirois A. Le délit d'un despote [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lapresse.ca/debats/editoriaux/2022-02-24/le-delit-d-un-despote.php#>
37. Tenaillon N. Poutine est-il un dictateur, un despote ou un tyran? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.philomag.com/articles/poutine-est-il-un-dictateur-un-despote-ou-un-tyran>
38. Comment Poutine a détruit la Russie : les infortunes du despote éclairé [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sauvonsl'europe.eu/poutine-a-detruit-la-russie/>
39. La barbarie, socle de la guerre russe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-barbarie-socle-de-la-guerre-russe-20220414>
40. La Syrie, le laboratoire de la barbarie guerrière de Vladimir Poutine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/la-syrie-le-laboratoire-de-la-barbarie-guerriere-de-vladimir-poutine-20220304>

41. Marin S. Les crimes de guerre en Ukraine, des tranchées à la cour [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ledevoir.com/monde/europe/782644/un-an-de-guerre-en-ukraine-crimes-de-guerre-en-ukraine-des-tranchees-a-la-salle-de-cour>
42. Sillah F. Guerre en Ukraine: six mois de conflit émaillé de crimes de guerre [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/08/24/ukraine-plus-de-29-000-crimes-de-guerre-presumes-signales-depuis-le-debut-de-l-invasion-russe_6138830_3210.html
43. Genté R. Guerre en Ukraine: les crimes de guerre russes dans le viseur de la justice [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/guerre-en-ukraine-les-crimes-de-guerre-russes-dans-le-viseur-de-la-justice-20221005>
44. Guerre en Ukraine : nombreux crimes de guerre, possibles crimes contre l'humanité... Les enquêteurs de l'ONU sortent leur premier rapport [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rtbf.be/article/guerre-en-ukraine-nombreux-crimes-de-guerre-possibles-crimes-contre-l-humanite-les-enqueteurs-de-l-onu-sortent-leur-premier-rapport-11168627>
45. Guerre en Ukraine : tribunal spécial contre les crimes de guerre, réparations... ce que dit l'UE [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vie-publique.fr/en-bref/287462-ukraine-un-tribunal-special-pour-juger-les-crimes-de-guerre-russe>
46. Как устроена крупнейшая фабрика фейков Украины. Рассказ изнутри [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/articles/1036284660?ysclid=lw8ugxc8p4299069382>
47. Фабрика украинских фейков еще дышит. Пропагандисты пытаются очернить Россию, но их быстро разоблачают [Электронный ресурс]. URL: <https://360.ru/tekst/obschestvo/fabrika-ukrainskih-fejkov/>
48. «Россиян фактически расчеловечивают»: чем опасны фейки о спецоперации на Украине и как их распознать [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/969758-feiki-specoperaciya-ukraina>
49. «Загаживают буквально все»: как работают украинские фабрики фейков [Электронный ресурс]. URL: <https://ntv-ru.turbopages.org/ntv.ru/s/novosti/2700774/>
50. Украина – фабрика ложных новостей [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
51. Protocol on Prohibitions or Restrictions on the Use of Mines, Booby-Traps and Other Devices as amended on 3 May 1996 [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20220501/ukraina-253985590.html>
52. Guerre en Ukraine : qu'est-ce qu'un crime de guerre ? Qui peut être jugé, et qui peut juger ? [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est-ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
53. «L'horreur» et la «barbarie» de Boutcha en Une de la presse internationale [Электронный ресурс]. URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2022/03/08/ukraine-qu-est-ce-qu-un-crime-de-guerre_6116654_3210.html
54. Barbarie. Le bizutage, une pratique violente et institutionnalisée dans l'armée russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.liberation.fr/international/le-bizutage-une-pratique-violente-et-institutionnalisee-dans-l-armee-russe-20220426_GYO4WCMCNRCTNFF3HIBJQLZLWY/
55. Pierre Richard, star en Russie, dénonce les « abominations » en Ukraine russe [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/people/pierre-richard-star-en-russie-denonce-les-abominations-en-ukraine-18-04-2022-2472500_2116.php
56. Boutcha, la stratégie du carnage [Электронный ресурс]. URL: https://www.lepoint.fr/monde/boutcha-la-strategie-du-carnage-05-04-2022-2471024_24.php#11

57. Massacre de civils à Boutcha : « Les soldats russes voyaient bien qu'il y avait des enfants », témoigne un habitant [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.sudouest.fr/international/europe/ukraine/massacre-de-civils-a-boutcha-les-soldats-russes-voyaient-bien-qu-il-y-avait-des-enfants-temoigne-un-habitant-10452534.php>
58. French Military Equipment Delivered to Ukraine [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.defense.gouv.fr/en/news/french-military-equipment-delivered-ukraine>
59. Armes occidentales fournies à l'Ukraine: le territoire russe ne doit plus être «sanctuarisé», affirme Jean-Louis Bourlanges [Электронный ресурс]. URL:
<https://www.lefigaro.fr/international/armes-occidentales-fournies-a-l-ukraine-le-territoire-russe-ne-doit-plus-etre-sanctuarise-affirme-jean-louis-bourlanges-20240519>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

на статью

Нarrатив восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в.: связи и аналогии с современностью

Название отчасти соответствует содержанию материалов статьи.

В названии статьи условно просматривается научная проблема, на решение которой направлено исследование автора.

Рецензуемая статья представляет относительный научный интерес. Автор в целом разъяснил выбор темы исследования и отчасти обосновал её актуальность.

В статье сформулирована цель исследования, указаны объект и предмет исследования, методы, использованные автором.

Автор не представил результатов анализа историографии проблемы и не сформулировал новизну предпринятого исследования, что является существенным недостатком статьи.

При изложении материала автор избирательно продемонстрировал результаты анализа историографии проблемы в виде ссылок на актуальные труды по теме исследования. Апелляция к оппонентам в статье отсутствует.

Автор не разъяснил выбор и не охарактеризовал круг источников, привлеченных им для раскрытия темы.

Автор не разъяснил и не обосновал выбор географических и хронологических рамок исследования.

На взгляд рецензента, автор стремился грамотно использовать источники, выдержать научный стиль изложения, грамотно использовать методы научного познания, но не сумел соблюсти принципы логичности, систематичности и последовательности изложения материала.

В качестве вступления автор указал на причину выбора темы исследования, обозначил её актуальность, сообщил цель, объект и предмет исследования, использованные методы.

В основной части статьи автор заявил, что «нarrатив «Восточного деспотизма» играет огромную роль, в политической истории Франции начиная с XVIII века», что «». сообщил, что «термины «деспотизм» и «деспотическое правление» стали впервые применять в конце XVII в. – начале XVIII в.», став «своебразной реакцией знати на растущую абсолютную власть монарха и его посягательства на сословные привилегии дворян». Затем автор, пользуясь трудом Роджера Боше, описал содержание двух «теорий деспотизма» в работах Монтескье – мыслителя первой половины XVIII в.,

пояснил, что писатели Франции сосредоточили внимание на Османской Турции и что «образ деспотичного, варварского государства османов выполнял две важные функции для политической системы Франции». Данные функции автор обозначил как «религиозный антагонизм» и «в противопоставлении» («Деспотический, во многом тианический режим в Османской империи противопоставляли законной, абсолютной власти во Франции»).

Затем автор сообщил, что в условиях Великой Французской революции и во времена правления Наполеона «нarrатив «Восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны». Таким образом, только в этой части статьи автор приблизился к верхней хронологической границе своего исследования. Как именно «нarrатив «Восточного деспотизма» использовался» в качестве одного «из главных поводов для интервенции Франции в другие страны», автор не объяснил и перешёл к сюжету о возникновении идеи «крестового похода» в Грецию с целью освободить христиан от гнета турок-османов в связи с началом Греческой войны за независимость (1821–1829 гг.). Следующий тезис автор не вполне ясен: «Французские либералы опасались, что религиозные нарративы могут быть использованы клириками внутри страны для укрепления своего положения во власти». Автор не разъяснил читателю, как именно в католической Франции рассматривали христианское единство с православной Грецией (являвшейся и религиозно, и политически близкой России, руководитель Министерства иностранных дел которой, И. Каподистрия, стал первым правителем независимой Греции). Опираясь на сюжет о Греции, автор перешёл к сюжету о намерении Франции вторгнуться в Алжир. При этом автор сосредоточил внимание не на разъяснении использования «образа «Восточного деспотизма», а на описании обращения к «нarrативу о «турках», а также «религиозном предубеждении и ненависти» французов. Автор пояснил, что для экспедиционного корпуса было подготовлено «справочное пособие», в котором «образ противника строился на трех ключевых столпах: радикальные исламские фанатики, деспотичные и жестокие варвары, и «гнусные» пираты».

Далее автор сообщил, что Наполеон III опирался при осуществлении власти на католическую церковь, что «приоритетной целью нового режима на мировой арене стало восстановление статуса Франции как великой державы», что «в руках правительственные органов сосредоточились все рычаги управления средствами массовой информации», наконец, что «восточный вопрос» являлся для Наполеона III удобным поводом для реализации целого спектра политических задач». При этом автор, неясно с какой целью, сосредоточил внимание на политической дискуссии о роли армии, заключив: «Несмотря на все усилия Наполеона III отношение к вооруженным силам у французов оставались неоднозначными. В коллективной памяти народа осталась глубокая рана от кровопролитных войн времен республики и Первой империи».

Затем автор описал читателю, используя обширные цитаты, действия Наполеона III в отношении России, заключив, что «несмотря на то, что французское общество было не готово к новой войне, нарратив о «крестовом походе против России» сумел найти отклик не только среди католиков, но и среди либералов с республиканцами». Автор, неясно с какой целью, лаконично описал ход действий в Крымской войне и обстоятельства её завершения. Какова была роль «нarrатива «Восточного деспотизма» в отношении России, осталось совершенно неясно.

Затем автор сообщил, что «наполеоновская пропаганда обратилась к нарративу о восточном деспотизме и в случае с экспансиею в Индокитай» т.д., и что «миф о Франции, как государстве, с цивилизаторской миссией сохранился не только в годы Третьей республики, но и продолжает существовать и сегодня» т.д. Автор отметил «его частичную, содержательную трансформацию и совершенной иной характер применения»,

и неожиданно перешёл к сюжету о том, что «нarrатив о «восточном деспотизме» стал использоваться рядом французских изданий для описания российского государства» т.д. Автор пояснил, что «не все французские издания выпускали материалы с подобного рода характеристиками в сторону российского государства», и заявил, что «после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается». Автор привел примеры таких публикаций, неожиданно заключив, что «тезис о том, что современное информационное пространство Франции состоит исключительно из антироссийских публикаций, можно считать претенциозным» т.д.

В статье встречаются множественные ошибки/описки, как-то: «огромную роль, в политической истории Франции начиная», «форму правлению», «которая характерная для», «Вторая функция кроилась в противопоставлении», «серебреная звезда», «халифат, которого впоследствии сменит» и т.д., неудачные или некорректные выражения, как-то: «вкладывали в значение слова «деспотизм» именно политическую систему», «на растущую абсолютную власть», «Окончательное оформление теория деспотизма в Европе и Франции приобрела в работах Шарля Луи де Монтескье» (что означает термин «Европа» в данном контексте?), «угрожала европейскому пространству не только как военная угроза» и т.д. Почему термин «Восточный деспотизм» автор пишет с прописной буквы, осталось неясно.

Выводы сформулированы автором неудачно. На взгляд рецензента объём заключения в статье избыточен: автор использовал заключение не для обобщений, а для дополнения основной части статьи.

Выводы не позволяют оценить научные достижения автора в рамках проведенного им исследования.

В заключительных абзацах статьи автор сообщил, что «на протяжении всей мировой истории основным нарративом для аргументации элита/населению/подданным экспансионистской внешней политики государства был нарратив о внешней угрозе с контрастным противопоставлением цивилизации и варварства» и т.д. (автор неставил задачи проанализировать «внешнюю политику государства» «на протяжении всей мировой истории»), что «во Франции сюжеты о «деспотизме» и «деспотическом правлении» стали закрепляться в период правления Людовика XIV, когда абсолютная власть монарха начала представлять прямую угрозу элитам страны» т.д., и что французская монархия использовала указанный нарратив «для увеличения своей поддержки и влияния внутри страны, подкрепляя образы «варварского Востока и Азии» статусом государства как протектора католического населения и христианской веры». При этом автор заявил, что «дегуманизируя образ восточного и азиатского населения и дополняя религиозным антагонизмом французская монархия создала миф об «исключительности французской нации» т.д. Связь между нарративом «восточной деспотии» и «дегуманизацией восточного населения» во Франции автор, на взгляд рецензента, не сумел объяснить.

Далее автор повторно развернул свои мысли о событиях конца XVIII – первой половины XIX вв., заключив, что «помимо Крымской войны нарратив о «Восточном деспотизме» использовался для вторжения в Индокитай» и что «сегодня этот нарратив используется рядом французских изданий и политических сил в информационном пространстве при освещении украинского кризиса». Автор пояснил, что «их целью является создание необходимого фона, с помощью, которого французские власти смогут получить необходимую поддержку со стороны собственного населения для последующего оказания военной помощи Украины», что «французские власти, тем самым стремятся возродить статус Франции как одной из великих держав на европейском континенте,

посредством активного участия в Украинском кризисе». Автор заявил, что «олицетворение Российского государства как «восточной деспотии» и президента России Владимира Владимиоровича Путина как «деспота» или «тирана» началось еще задолго до начала специальной военной операции 24 февраля 2022 года» т.д., и что «с началом СВО на Украине в 2022 г. образ «восточного» варварского государства стал транслироваться через призму «военных преступлений» российских войск». Автор акцентировал внимание на «фальсификациях доказательств и умышленных постановках», отослав читателя к «разбору украинских фейков о вооруженных силах РФ» «в телеграмм канале «Борьба с фейками». Автор связал «появление целого спектра публикаций на тематику «военных преступлений России на территории Украины» в ряде французских изданий» «с периодами оказания Францией военной помощи Украине». И так далее.

Автор резюмировал, что «нarrатив «Восточного деспотизма» и «деспотии» является одним из активных инструментов Французской внешней политики», что «усиление влияния Российского государства на мировой арене вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками» и т.д.

На взгляд рецензента, потенциальная цель исследования достигнута автором отчасти. Публикация в данном виде не может вызвать интерес у аудитории журнала. Статья требует существенной доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья посвящена изучению восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в., в публикации рассмотрены связи и проведены аналогии с современностью.

Методология исследования базируется на изучении зарубежной и отечественной литературы по теме исследования, использовании цивилизационного подхода, применении общенаучных методов исследования (анализ, синтез, сравнение) и специализированных методов (качественный контент-анализ, историко-культурный и историко-сравнительный методы).

Актуальность работы обусловлена тем, что современная Франция использует по сути нарратив восточного деспотизма, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций французской и франкоязычной прессы.

По мнению рецензента, научная новизна рецензируемого исследования заключается в результатах сравнительного анализа французского нарратива «Восточного деспотизма» в первой половине XIX в. с современной политической повесткой Франции по отношению к России и Специальной военной операции.

В публикации прослежены изменения в подходах к определению понятия «деспотизм» со времен Аристотеля до наших дней. Авторами были проанализированы работы иностранных авторов, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Хронологические рамки исследования охватывают два временных промежутка: период с 1820-е по 1870-е гг., что характеризуется активным периодом использования нарратива «восточного деспотизма» во французской внешней политике, а также современный этап, преимущественно,

активная фаза конфликта на Украине 2022-2024 гг. Территориальные рамки исследования для первого временного промежутка охватывают три кампании французского государства: вторжение в Алжир, Крымская война и операция в Индокитае. Для современного периода они сосредоточены на территориях Украины и современной Франции. Авторы считают, что на период первой половины XIX в. нарратив «восточного деспотизма» можно определить как политику идеологического обоснования внешней экспансии, посредством создания дегуманизирующего образа противника, опирающегося на контрастном противопоставлении цивилизации и варварства. Говоря о современном этапе, авторы отмечают, что после начала 24 февраля 2022 г. Специальной военной операции на Украине, количество публикаций, в которых прослеживается негативное или предвзятое к России отношение стремительно увеличивается. По мнению авторов публикации, на современном этапе, когда Франция не проводит активную, экспансионистскую политику, нарратив «восточного деспотизма» необходимо трактовать в контексте конфликта на Украине. В таком случае он представляется, как политика идеологического обоснования оказания военной помощи Украине, с целью ослабления Российского государства.

Библиографический список включает 59 источников – публикации зарубежных и отечественных ученых по теме статьи на иностранном и русском языках. В тексте имеются адресные ссылки на литературные источники, что подтверждает наличие апелляции к оппонентам.

Из недостатков, нуждающихся в устраниении, следует отметить, что использование полуширинного шрифта для акцентирования внимания читателей на ключевых моментах публикации приводит к тому, что заголовки разделов публикации оттеняются этим. Также не все разделы статьи озаглавлены, например, это касается вводной части, которая не озаглавлена как «Введение». Кроме этого, использование наглядного представления результатов работы в виде схемы, отражающей связи аналогии с современностью способствовало бы привлечению читательского внимания к проведенному исследованию.

Статья отражает результаты проведенного авторами исследования, соответствует направлению журнала «Конфликтология / nota bene», содержит элементы научной новизны и практической значимости, может вызвать интерес у читателей, рекомендуется к опубликованию после доработки в соответствии с высказанными замечаниями и пожеланиями.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи. Предметом исследования является «идеологическое обоснование и информационное освещение французских международных компаний» в первой половине XIX века и в настоящее время.

Методология исследования. Работа базируется на общенаучных (анализ, синтез, сравнение) методах исследования. Кроме того, автор в работе использовал и специализированные методы исследования. Это методы контент-анализа, историко-культурный и историко-сравнительный и др. методы.

Актуальность исследования обусловлена современной геополитической ситуацией, отношением западных стран к России и Специальной военной операции (СВО). Политическая повестка Франции в этих вопросах довольно жесткая и для более

глубокого понимания позиции Франции необходимо дать анализ политики этой страны в прошлом, в частности в XVIII-XIX вв. и позднее. Автор отмечает, что Франция наряду с Великобританией во внешней политике проводила ярко выраженную экспансионистскую политику и занимались «захватом новых сырьевых баз и рынков сбыта, облекая свои завоевания в высшую миссию по распространению цивилизации». Политика Франции с XVIII по XX вв. опиралась на нарратив «Восточный деспотизм» и с его помощью им удалось оправдать целую серию кровопролитных завоевательных кампаний в Африке и Азии. И в настоящее время Франция пытается сохранить свое влияние в Африке и Азии, укрепление же позиции России в этих странах (Россия в последние годы переориентировалась на восток и укрепление отношений со многими странами Африки и Азии) крайне невыгодно Франции. Изучение нарратива «Восточной деспотии» на котором базировалась политика Франции в прошлом и политика Франции в настоящее время показывает, что политика этой страны продолжает использовать данный нарратив и в настоящее время. Актуальность темы не вызывает сомнения.

Научная новизна определяется постановкой проблемы и задач исследования. Новизна обусловлена также глубоким и всесторонним исследованием нарратива восточного деспотизма во внешней политике Франции первой половины XIX в., его связи и аналогии с политикой Франции в настоящее время.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, при этом понятный и доступный не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура работы направлена на достижение цели и задач исследования. Структура статьи состоит из следующих разделов: Введение, Основная часть и Заключение. Во введении автор раскрывает цель и задачи исследования, методологию исследования, разъясняет хронологические и территориальные рамки исследования. Кроме того, во введении автор показывает на основе каких источников статья была подготовлена. В начале основной части работы автор раскрывает понятие восточная деспотия и когда теория восточной деспотии окончательно сформировалась. Отмечает, что нарратив «восточного деспотизма» использовался как один из главных поводов для интервенции Франции в другие страны (только на короткий период он исчез из повестки после разгрома Наполеоновской Франции). Автор раскрывает как использовался нарратив «восточного деспотизма» для вторжения в 1830 г. в Алжир. В основной части статьи этот сюжет изложен в разделе «Нарратив «восточного деспотизма и вторжение французских войск в Алжир». Следующий раздел называется «Нарратив «восточного деспотизма» и Вторая империя». В этой части работы представлен интересный и разнообразный материал по внутренней и внешней политики Франции, коалицию светской власти во Франции с католической церковью и попытки Наполеона III укрепить свою власть с помощью церкви, отношения Франции с Османской империей, колониальную политику Франции и «крестовый поход» Франции против России, укрепление позиций Франции на международной арене и многое другое. В разделе «Современный этап» показано как используется нарратив о восточном деспотизме Францией в современный период и его особенности. Текст статьи логично и последовательно изложен. В заключении статьи автор дает основные выводы и отмечает особенности нарратива Восточного деспотизма в прошлом и в настоящее время. Автор пишет, что в современный период усиление влияния России на мировой арене «вынудило французов, взяв за основу нарратив «Восточного деспотизма», создать сюжет о «русской угрозе» и интерпретации Российского государства как варварской державы, населенной варварами-кочевниками.». Данный нарратив был создан еще при Старом режиме Бурбонов, «активно использовался в революционной, Бонапартистской Франции, Июльской монархии и впоследствии был унаследован Второй империей. Современная Франция также использует этот нарратив, что активно отражается в заявлениях французских политических деятелей и тональности публикаций

французской и франкоязычной прессы».

Библиография работы состоит из 56 источников на французском и русском языках. Это работы Э.Л.Конклин, Т.Кайзер, Ф.Вентури и Э.Томсон, посвященные иностранных авторов, посвященные идеологическому обоснованию французской внешней политике в первой половине XIX века. Труды авторов, которые занимались формированием необходимого общественного мнения по отношению к предполагаемым странам-объектам для вторжения. Автор провел контент анализ по теме исследования публикаций в ведущих французских газетах («Le Point», «Le Figaro», «Les Echos», «La Presse», «Le Monde») за 2022-2024 г. Библиография работы впечатляет и показывает, что автор статьи прекрасно разбирается в исследуемой проблеме.

Апелляция к оппонентам представлена собранной в ходе работы над статьей информации

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и будет интересна специалистам, всем кто интересуется политикой Франции в прошлом и в настоящее время, вопросами колониальной политики западных стран в XVIII-XIX вв., позицией западных стран по отношению к России в современный период.